

УДК 343.1

О ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ
ОБВИНИТЕЛЬНОГО УКЛОНА
В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ

М. О. Баев, О. Я. Баев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 января 2016 г.

Аннотация: с позиции принципа состязательности уголовного судопроизводства рассматривается процессуальная функция следователя в досудебном производстве; обосновывается необходимость создания правового механизма нейтрализации проявления при ее исполнении обвинительного уклона; вносятся соответствующие законодательные предложения.

Ключевые слова: состязательность, обвинительный уклон, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Abstract: in the article is considered procedural function of the investigator in the pretrial proceedings from the perspective of adversarial criminal proceedings; the necessity of creating a legal mechanism for the neutralization of accusatory bias during its execution; appropriate legislative proposals.

Key words: adversarial, accusatory, criminal and criminal procedure legislation.

Проблемы разделения процессуальных функций в отечественном судопроизводстве возникли, видимо, с тех пор, когда по указанию царя – батюшки Петра Алексеевича, отчаянно прорубавшего окно в Европу, а поэтому использовавшего зарубежный правовой опыт, в «Кратком изображении процессов» 1715 г. было сформулировано следующее положение: «Процесс есть дело судимое, чрез который случающиеся тяжёбые дела основательным представлением, и из обстоятельства дел обретенные доказов, явны сочиняются, и потом от судей по изобретению оных причин решение чинится»¹.

Возьмем на себя смелость, используя применительно к уголовному судопроизводству современную юридическую терминологию, интерпретировать (естественно, в высшей степени условно) данную правовую концепцию следующим образом: в досудебном производстве в ходе расследования («из обстоятельств дел») «обретаются» (формируются) доказательства, которые проверяются и оцениваются в суде (где из них «явны сочиняются»), на основе которых и постановляется приговор («решение чинится»).

Можно с уверенностью предположить, что с тех же пор одним из наиболее дискуссионных вопросов теории и практики уголовного судопро-

¹ Краткое изображение процессов при Воинском Уставе 1715 г. // Рос. законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 411.

изводства как раз и является процессуальная функция следователя как лица, создающего «из обстоятельства дел доказзы» (доказательства), которые затем в соответствующем процессуальном регламенте и предоставляются в суд.

Какая же процессуальная функция (или функции) в этом случае на него возложена?

Еще в конце XIX в. В. П. Даневский – один из комментаторов принятых незадолго до того Судебных Уставов, обращал внимание, что в соответствии с ними «следователь призван играть роли самые разнохарактерные или совершенно несовместимые в одном лице, или трудно совместимые, всегда с ущербом для дела... [...]».

«В итоге, – писал он, – получается нарушение двух основных требований судопроизводства: 1) об отделении суда от сторон, 2) о разделении роли сторон, то есть о противопоставлении, на началах равенства, обвинителя обвиняемому; закон не знает сторон, – ему известна, в сущности, только одна сторона (обвинение), представленная прокуратурой (или частным обвинителем) и подкрепляемая обвинительной деятельностью самого следователя. Последний должен быть беспристрастен и независим от сторон, но представляет в своем лице и стороны, и судью»².

Однако спустя многие годы (чуть ли – не столетие) выдающийся отечественный процессуалист М. С. Строгович, основываясь на действующем в то время УПК РСФСР 1960 г., также утверждал, что «в деятельности следователя сочетаются все три основные процессуальные функции – уголовное преследование или обвинение, защита и разрешение дела»³.

Этой же позиции до настоящего времени придерживаются и многие другие исследователи данной проблемы.

Другие, не включая в функции следователя функцию осуществления им защиты (что представляется нам совершенно обоснованным)⁴, исследование им обстоятельств дела интерпретируют как функцию расследования преступлений.

«Следователь, – пишет, например, В. М. Быков, – в настоящее время выполняет такие процессуальные функции – расследование преступлений, обвинение и разрешение уголовного дела»⁵. При этом, по его мнению, «реально следователь начинает осуществлять свою процессуальную функцию обвинения только с появлением в уголовном деле фигуры подо-

² Даневский В. П. Наше предварительное следствие : его недостатки и реформа. М., 1895. (Цит. по: Киев, 2003. С. 26–27).

³ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 226.

⁴ Всецело следует согласиться с А. М. Лариным, который по этому вопросу заметил: «Ведь сразу возникает вопрос: от чего или от кого защищает следователь? Ответ же, что следователь защищает обвиняемого от обвинения, следователем же предъявленного и поддерживаемого, вряд ли кого удовлетворит. Но иной ответ в рамках концепции, относящей следователя к субъектам защиты, невозможен» (Ларин А. М. Расследование по уголовному делу : процессуальные функции. М., 1986. С. 25).

⁵ Быков В. М. Следователь в уголовном процессе России. М., 2014. С. 14.

зреваемого или обвиняемого». А до того (здесь В. М. Быков присоединяется к позиции В. П. Божьева и некоторых других авторов) «следователь реализует лишь функцию расследования преступлений»⁶.

Подобная концепция представляется достаточно уязвимой. Представим, что следователь в результате расследования задержал лицо в качестве подозреваемого либо, более того, предъявил кому-либо обвинение в совершении расследуемого преступления; иными словами, по мнению указанных авторов, перешел от выполнения функции расследования преступления к осуществлению функции уголовного преследования.

Затем он убеждается в непричастности данного лица к инкриминированному ему преступлению. Что из этого в данном случае следует? Следователь прекращает выполнять функцию обвинения и снова возвращается к выполнению функции расследования? Вряд ли это «вписывается» в сущность содержания процессуальных функций в целом.

Как видим, спектр мнений о процессуальной функции (функциях) следователя крайне широк и разнообразен⁷.

Наиболее радикальные из них и, по нашему убеждению, сугубо псевдодемократические, сводятся к тому, что следователь есть лишь исследователь обстоятельств расследуемого им дела, а поэтому отнесение его к стороне обвинения в уголовном процессе в принципе неправомерно. По мнению авторов, придерживающихся этой концепции, отнесение следователя к стороне обвинения, предполагающее осуществление им уголовного преследования, а следовательно, в конечном счете избличение лица в совершении преступления, вступает в резкое противоречие с принципом всестороннего, полного и объективного установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. В связи с этим С. А. Шейфер пишет, что «процессуальная функция следователя – это не уголовное преследование, а всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела»⁸.

По сути, в этом утверждении автор реанимирует давно известные лозунги о сущности советского уголовного процесса.

Так, в 70-х гг. прошлого века В. Г. Даев утверждал: «...в советском уголовном процессе функции обвинения ... ни у одного участника процессуальной деятельности нет и быть не может»⁹.

В 2001 г. этот же тезис почти дословно воспроизвел В. С. Джатиев в следующем категорическом заявлении: «На мой взгляд, в уголовном процессе нет и не может быть функции обвинения, если, конечно, под

⁶ *Быков В. М.* Указ. соч. С. 19.

⁷ Многие из них подробно и глубоко проанализированы в цитируемой монографии В. М. Быкова, а также в ряде работ других процессуалистов, естественно, с авторских точек зрения.

⁸ *Шейфер С. А.* Досудебное производство в России : этапы развития следственной судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 132.

⁹ *Даев В. Г.* Обвинение в советском уголовном процессе // Изв. вузов. Правоведение. 1970. № 1. С. 78.

функцией подразумевать роль и назначение конкретного субъекта в конкретной же системе общественных отношений»¹⁰.

Еще дальше в обоснование этой позиции через десять лет пошел В. Д. Адаменко. Приведем замечание К. Маркса о том, что соединение в одном лице судьи, обвинителя и защитника противоречит законам психологии, он тут же резюмировал следующее: [Однако] «...действие социалистического принципа состязательности в уголовном процессе и обязанность суда при вынесении решения оценивать все обстоятельства дела, в том числе обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, позволяют сделать вывод о нераспространении тезиса (указанного замечания К. Маркса. – *авт.*) на советскую судебную систему»¹¹. Комментарии по поводу этого утверждения излишни...

Мы не усматриваем никакого противоречия в том, что следователь отнесен к стороне обвинения с необходимостью (и это особо подчеркнем) его осуществления на основе объективного, полного и всестороннего расследования. Для любой цивилизованной правовой системы аксиоматично, что любое обвинение лица в совершении инкриминируемого ему преступления должно быть законным, основанным на всестороннем, полном и объективном исследовании всех материалов дела, при этом сочетаться с неукоснительным соблюдением прав и свобод этого гражданина, обеспечением их реализации.

Всесторонний, полный и объективный анализ материалов уголовного дела показал, что во многих ситуациях применение к отдельным лицам мер процессуального принуждения сопровождается и проведением следственных действий, безусловно, ограничивающих права граждан (например, обыска). Сделав на этой основе вывод о совершении расследуемого преступления определенным лицом, следователь предъявляет ему обвинение, затем составляет в отношении данного лица обвинительное заключение. Что все это есть как не выполнение следователем функции обвинения?

Более того, если следователь не будет предъявлять изобличенному им лицу обвинение и составлять обвинительное заключение, предоставив выполнение этих обязанностей прокурору, а будет выносить некое постановление о подозрении (что в последнее время предлагают Б. Я. Гаврилов и ряд других авторов), сущность и характер его деятельности (обвинительной), по нашему убеждению, не изменятся.

М. С. Строгович рассматривал обвинительную деятельность (понимая под ней уголовное преследование) как «совокупность процессуальных действий, направленных на то, чтобы изобличить в совершении преступления привлеченное к уголовной ответственности лицо и обеспечить применение к нему заслуженного наказания». Она, по его мнению, состо-

¹⁰ Джатиев В. С. О прокуратуре Российской Федерации. Инициативный проект федерального конституционного закона и краткие пояснения к нему. Владикавказ, 2001. С. 48.

¹¹ Адаменко В. Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. Томск, 1983. С. 50.

ит в собирании доказательств, уличающих обвиняемого или устанавливающих отягчающие его вину обстоятельства, применение принудительных мер, обеспечивающих изблечение обвиняемого и его наказание, а также в действиях, направленных на обоснование перед судом обвинения и необходимости заслуженного наказания¹².

А. М. Ларин полагал, что уголовное преследование есть предшествующая разрешению дела уголовно-процессуальная деятельность, которая состоит в формулировании и обосновании вывода о совершении определенным лицом конкретного преступления¹³.

Причины столь искренней озабоченности авторов функциями и положением следователя и прокурора в уголовном судопроизводстве вполне очевидны, а также понятны и близки нам (но не их по этим проблемам мнения) – исключить или, по крайней мере, снизить вероятность обвинительного уклона в деятельности лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Действительно, видимо, лишь самый безразличный и равнодушный исследователь отечественной уголовно-процессуальной теории и практики с тревогой не отмечает наличия обвинительного уклона в деятельности органов и лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам, и (что самое тревожное) в деятельности судов при отправлении правосудия по уголовным делам.

Тем не менее легального правового, законодательного определения этого феномена, насколько нам известно, до настоящего времени не имеется; оперирование этим понятием происходит обычно на уровне социологических и публицистических описаний того, что каждый из авторов вкладывает в его содержание.

Чаще всего обвинительный уклон понимается как игнорирование сведений, свидетельствующих о невиновности либо в меньшей степени виновности обвиняемого, неадекватная оценка собранных доказательств и др.¹⁴ Л. А. Воскобитова пришла к выводу, что «суть его в стремлении сначала сформулировать, а затем любой ценой подтвердить приговором суда обвинение, которое не отвечает требованию всесторонности, полноты и объективности исследования фактических обстоятельств дела и в силу этого не позволяет суду правильно применить нормы уголовного права и вынести правосудное решение по делу»¹⁵.

Действительно, если понимать обвинительный уклон как деятельность субъектов уголовного преследования, суда, состоящую в отказе формировать доказательства, оправдывающие или смягчающие ответственность обвиняемого, в воспрепятствовании представлению доказательств стороной защиты и/или игнорировании наличия таких доказательств

¹² См.: *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 190.

¹³ См.: *Ларин А. М.* Указ. соч. С. 25.

¹⁴ См.: *Михайловская И. Б.* Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7. С. 4.

¹⁵ *Воскобитова Л. А.* Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 3. С. 455–462.

при обосновании соответствующего итогового решения по уголовному делу, он, очевидно, категорически недопустим.

В то же время возможности безнаказанного проявления обвинительного уклона в уголовном преследовании беспредельно увеличиваются в связи с заложенным в ст. 159 УПК РФ следующими положениями:

– «подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, *об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела*» (выделено нами. – авт.) (ч. 2).

– «В случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь, дознаватель выносит постановление» (ч. 3).

Из изложенного с очевидностью следует, что для решения вопроса имеют значение те обстоятельства, об установлении которых путем производства следственных действий ходатайствуют указанные в данной статье лица; удовлетворение ходатайства, всецело предоставлено на усмотрение следователя: он может его удовлетворить, но может и отказать.

При этом практика неопровержимо свидетельствует, что последние решения следователями принимались по подавляющему числу известных нам уголовных дел. Думается, объясняется это рядом причин (и совокупностью отдельных из них), носящих в большей части субъективный характер. Не ставя здесь перед собой задачи раскрытия их содержания, лишь перечислим те, которые в настоящее время представляются нам основными:

а) убежденность следователя в объективности, полноте и всесторонности проводимого им расследования в целом;

б) убежденность следователя в доказанности вины лица, в отношении которого им осуществляется уголовное преследование (именно стороной защиты заявляется бóльшая часть ходатайств о производстве дополнительных или повторных следственных действий для установления обстоятельств, по их мнению, имеющих значение для дела);

в) нежелание удовлетворения таких ходатайств в связи с тем, что это потребует продления процессуальных сроков (срока расследования по делу, срока применения таких мер пресечения, как содержание под стражей или домашний арест);

г) межличностные конфликты и конфликтные отношения, сложившиеся между следователем и представителями стороны защиты (подозреваемым, обвиняемым, их защитниками).

Однако, к сожалению, и в неоднократных решениях Конституционного Суда РФ, принимаемых по конкретным жалобам граждан в отношении необоснованных постановлений следователей об отказе в удовлетворении ходатайств стороны защиты в части доказывания, по сути, поддерживается позиция законодателя о том, что разрешение таких ходатайств должно быть оставлено на усмотрение следователя. «Никакой новой обязанности следователя, – на основе анализа ряда подобных ре-

шений констатирует С. Ф. Шумилин, – Конституционный Суд в данном случае не устанавливает»¹⁶.

Нет необходимости подробно перечислять все негативные последствия принимаемых следователем решений об отказе в удовлетворении подобных ходатайств стороны защиты, с очевидностью свидетельствующих об обвинительном уклоне в изложенном выше понимании этого феномена: это и необоснованное применение мер принуждения к лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (в том числе и мер пресечения), и такое же необоснованное его обвинение в совершении преступления, и – что самое трагическое – постановление в отношении данного лица обвинительного приговора.

Вслед за рядом других авторов¹⁷, мы полагаем, что положение об удовлетворении следователем ходатайств перечисленных в ст. 159 УПК РФ лиц в части доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела, решение вопроса должно быть трансформировано в обязанность следователя (в настоящее время, повторим, оно оставлено на его усмотрение).

Поддерживая эти предложения, С. А. Шейфер в то же время совершенно верно обратил внимание, что оно может повлечь злоупотребления таким правом со стороны защитника. Однако, реально оценивая все трудности разрешения этой проблемы, он пришел к выводу, что все же «в интересах укрепления состязательных начал предварительного расследования было бы предпочтительней принять вариант обязательности заявленного ходатайства»¹⁸.

Заметим, что УПК РФ уже знает ситуации, в которых ходатайства стороны защиты и потерпевшего в части доказывания подлежат неукоснительному удовлетворению.

Имеется в виду следующее положение ч. 1.2 ст. 144 УПК: в случаях, когда судебная экспертиза назначалась и проводилась на стадии возбуждения уголовного дела, то «если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, *такое ходатайство подлежит удовлетворению*» (выделено нами. – авт.).

Однако содержательная сторона именно этого нормативного предписания представляется крайне неудачной, более того, расширяющие возможности, как о том и предупреждает С. А. Шейфер, могут стать злоупотреблением таким правом стороной защиты.

На первый взгляд, цель введения этой новеллы вполне благая, с правовой точки зрения вполне респектабельная для обеспечения прав и законных интересов потенциальных потерпевших, подозреваемых и обвиняемых по уголовному делу.

¹⁶ Шумилин С. Ф. Полномочия следователя : механизм и проблемы реализации. М., 2006. С. 178.

¹⁷ См., например: Белканов Е. А., Казаков А. И. К вопросу о полномочиях защитника по собиранию доказательств // 50 лет кафедре уголовного процесса УрГЮА : материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 1.

¹⁸ Шейфер С. А. Указ. соч. С. 141–142.

Однако такая же ситуация касательно «целого ряда прав при назначении и производстве экспертизы» подозреваемых и обвиняемых, как известно, «штатна» и по возбужденным уголовным делам.

Множество необходимых судебных экспертиз назначаются и производятся до появления по ним подозреваемых, а тем более, обвиняемых (в ряде случаев и потерпевшего, если пострадавшее от преступления лицо к моменту производства этих действий либо еще не установлено, либо еще не наделено таковым процессуальным статусом).

После появления в деле этих фигурантов они знакомятся и с постановлениями о назначении экспертиз, и заключениями экспертов, после чего имеют права ходатайствовать о назначении повторных и дополнительных экспертиз.

Принципиальных и реалистических возражений против такого порядка обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам в литературе не высказывается.

В то же время известно, что назначение и производство и повторной, и дополнительной экспертизы предполагает наличие для того должных оснований (ст. 207 УПК РФ):

«1. При недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела может быть назначена дополнительная судебная экспертиза, производство которой поручается тому же или другому эксперту.

2. В случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту».

Статья 144 УПК РФ названные требования к основаниям назначения повторной или дополнительной экспертизы игнорирует¹⁹.

Это упущение не столь безобидно, как может представляться на первый взгляд; в частности, оно вполне может быть использовано для затягивания сроков производства по уголовному делу и в иных тактических целях стороной защиты.

Возникает вопрос: что препятствует заявить ходатайство о назначении этих видов судебной экспертизы исходя из названных соображений указанным участникам производства по уголовному делу в момент, максимально приближенный к окончанию срока предварительного расследования по делу, либо на завершающем этапе судебного следствия (может быть, и срока давности по делу)?

В соответствии с указанной редакцией данного положения в ст. 144 УПК РФ следователь/суд будет обязан такое ходатайство удовлетворить!

Проиллюстрируем сказанное примером из судебной практики.

¹⁹ На эту же правовую коллизию, возникшую в связи с дополнением ст. 144 УПК РФ рассматриваемым положением, обращают внимание и другие авторы. См., например: *Быков В. М.* Следователь в уголовном процессе России. М., 2014. С. 157–159.

На завершающем этапе судебного следствия по делу М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, когда до истечения установленного судом 6-месячного срока содержания подсудимого под стражей оставалось менее 10 дней, защитник М. заявил ходатайство о проведении повторной и дополнительной судебных автотехнических экспертиз.

С учетом того что первоначальная автотехническая экспертиза была произведена на стадии возбуждения уголовного дела, суд ходатайство адвоката удовлетворил.

Адвокат сразу же заявил ходатайство об изменении в отношении подсудимого меры пресечения, ибо в соответствии с ч. 3 ст. 255 УПК РФ срок содержания подсудимого под стражей со дня поступления дела в суд свыше шести месяцев может продлеваться только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Преступление, инкриминируемое его подзащитному, к таковым не относится, а срок производства назначенных судом экспертиз, несомненно, займет длительное время – во всяком случае, они не могут быть реально произведены до истечения установленного ранее судом срока содержания подсудимого под стражей.

Данное ходатайство судом было также удовлетворено; М. мера пресечения была изменена на домашний арест.

Заметим, что по приведенному делу назначенные судом экспертизы проводились более четырех месяцев, что вряд ли соответствовало принципу осуществления правосудия в разумные сроки.

Мы сочли необходимым подробно остановиться на этой правовой коллизии для обоснования того, что предлагаемое ниже изменение ст. 159 УПК РФ должно содержать и механизм ее разрешения, учитывающий в то же время реальную возможность производства следственных действий, о проведении которых ходатайствует то или иное лицо из перечисленных в ст. 159 УПК РФ лиц. В последней ремарке мы учитываем возникновение ситуаций, в которых производство некоего действия практически невозможно, к примеру, сторона защиты ходатайствует о проведении очной ставки с лицом, выехавшим на ПМЖ в другую страну, назначении дополнительной или повторной экспертизы при отсутствии для разрешения предлагаемых вопросов научно обоснованной методики и др.

Предлагаем изложить ч. 1 ст. 159 УПК РФ примерно в следующей редакции:

Ходатайства «подозреваемого или обвиняемого, его защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей о приобщении к делу материалов адвокатского расследования, допроса свидетелей, производства судебной экспертизы и других следственных действий в отношении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, подлежат удовлетворению. В удовлетворении ходатайства названных лиц о допросе, производстве других следственных действий может быть отказано лишь при отсутствии для их производства оснований, предусмотренных настоящим Кодексом, либо объективной возможности их производства».

Кроме того, учитывая указанные выше негативные последствия необоснованных отказов следователей в удовлетворении ходатайств сто-

роны защиты в части установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам (и для предупреждения проявления следователями обвинительного уклона в осуществляемом им уголовном преследовании), полагаем целесообразным дополнить УК РФ статьей примерно следующего содержания²⁰:

Умышленное сокрытие либо уничтожение дознавателем или следователем доказательств, оправдывающих или смягчающих ответственность подозреваемого, обвиняемого, или иное воспрепятствование предоставлению доказательств стороной защиты, повлекшие необоснованное применение к данному лицу меры пресечения, иных мер процессуального принуждения и/или постановление в отношении его необоснованного обвинительного приговора либо прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, – наказывается...

Полагаем, что принятие сформулированных выше законодательных предложений станет достаточно действенным средством предупреждения обвинительного уклона со стороны лиц, осуществляющих уголовное преследование на досудебной стадии уголовного процесса.

Более того, оно несколько, а на наш взгляд, в значительной мере, снизит актуальность создания активно обсуждаемого в настоящее время в литературе организационно сложного и экономически крайне затратного института следственных судей (основная цель которого, насколько мы ее понимаем, именно депонирование доказательств, представляемых стороной защиты).

²⁰ По логике она должна следовать за ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств...».

Воронежский государственный университет

Баев М. О., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики

E-mail: baev@law.vsu.ru

Баев О. Я., доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики, заслуженный деятель науки РФ

E-mail: baev@law.vsu.ru

Voronezh State University

Baev M. O., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminalistics Department

E-mail: baev@law.vsu.ru

Baev O. Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminalistics Department, Honoured Science Worker of Russian Federation

E-mail: baev@law.vsu.ru